

Нюта и Виолетта Генриховна не были подругами. Как говорится, судьба свела. Точнее сказать, случай. А впрочем, это практически одно и то же.

Нюта всю жизнь проработала поваром в фабричной столовой. Не нажила ни премий, ни грамот и надбавок к пенсии. Сын и муж погибли. Давно, в автокатастрофе. Примирилась уже с потерей. Свыклась как-то. Несколько раз в год ездила на могилки с бумажными, незатейливыми цветочками в сумке и блинами. Покряхтывая, очищала холмики от лежалой травы и сухостоя. Долго сидела, потом отдыхала на лавочке в оградке, слушая птиц и кладбищенскую тишину. Верила, что это души Васеньки и Николая рядом летают, ее приветствуют своим чириканьем. Улыбалась сквозь слезы, вздыхала, крестила могилки сморщенной горсткой и шла на автобус, пока не стемнело...

Виолетта Генриховна всю свою энергию и непоколебимый советский энтузиазм отдала английскому языку и преподаванию в университете. Причем так успешно, что дочь, проникнувшись материной любовью к чужой речи, сменила родной город на заграничные соблазны. Все, как у людей. Дом в два этажа, две подержанные машины на семью, трое детей, субботние барбекю на заднем дворе с соседями, гольфом и собакой. Нет, Виолетта Генриховна не обижалась, что в размеренной жизни дочери не нашлось ей места. Да и куда она на старость лет уже? В новую жизнь? Просто по внукам очень скучала, которых никогда живую не видела. Хотелось ей прижать их к груди, почитать «Золушку» или «Простоквашино» на ночь, сводить в зоопарк, ну, или в цирк. Но увы и ах. Билеты стоят дорого. Отпуск у дочери с зятем всего десять дней. А на Кубу из Канады слетать дешевле, чем в Россию...

Они и познакомились-то случайно. Встречались иногда в ближайшем к дому супермаркете, но даже не подозревали, что живут в соседних подъездах. Нюта в мыслях окрестила эту худенькую немолодую женщину «профессоршей» — уж очень вид у нее был деликатный и вежливый. В тот день Виолетта Генриховна получила пенсию и решила отправиться за продуктами. У Нюты пенсия была через два дня, но кончилась мука. А завтра у Васеньки день Рождения — блинов надо напечь. А как их напечешь, если муки нет? Вот и потащилась Нюта в магазин, хотя с утра поясицу выворачивало. Не иначе дождь будет на днях. Еще и ухо чесалось — точно помокрет. Нюта вышла из подъезда. Зябко поежилась и припустила по тротуару, пока домашнее тепло не выдул октябрьский северный ветер. Тут не дождем, тут снегом за-

пахло уже. Нюта заскочила в магазин и расслабилась. Тепло. Она неспешно прошла по рядам. С сожалением поглазела на витрину с сырокопчеными колбасами, расплатилась за муку и пошла к выходу. Сквозь стеклянную дверь заметила худенькую спину Виолетты Генриховны в затрапезном пальтишке и шляпке-таблетке на гордой профессорской голове. Небо совсем захмурилось и сыпануло звонкими горошинами града. Нюта прибавила шагу. И тут, когда она почти обогнала профессорскую спину, спина вдруг поехала вбок, нога в кокетливой потертой боте вывернулась влево, и профессорша неловко шмякнулась на тротуар, накрыв себя немногочисленными авоськами и пакетами.

— Ой, батюшки, — Нюта всплеснула руками, отбросила свою муку и кинулась к упавшей. — Да че ж вы такие не осторожные-то! Под ноги же глядеть надобно.

Нюта осторожно подтягивала Виолетту Генриховну за локоть. Та, охая и поминая Господа, с четверенок поднялась на ноги.

— Спасибо, милочка, все в порядке. Поскользнулась. Я такая неловкая. Простите, что побеспокоила, — Виолетта Генриховна утвердилась на своих двоих и нагнулась за пакетами. — Ох, — простонала она. — Нога что-то. Подвернула, что ли?

— На меня обопритесь. Вам далеко?

— На Ярославскую. Спасибо вам.

— Ой, и мне туда же! Вас как звать-то? — Нюта заботливо подхватила страдальцу под руку.

— Виолетта Генриховна. А вас?

— А меня — Нюта. Ну, в смысле Анна Сергевна.

— А на Ярославской — куда вам? — Нюта, заботливо прижимая локоток Виолетты Генриховны, семенила рядом, подстраиваясь под хромоногий ритм.

— Четыре дробь один. Подъезд четвертый. Да вы не беспокойтесь! Сама доковыляю как-нибудь. Что ж вы на меня время тратить будете, — Виолетта Генриховна неловко замаялась, но еще крепче вцепилась в Нютино пальто.

— Ой, надо же! И у меня четыре дробь один. Тока подъезд третий, — Нюта всплеснула руками от радости, словно встретила старую знакомую, которую сто лет не видела. Ее спутница, потеряв опору, снова, было, поехала вниз на тротуар.

— Эй, вы че не держитесь-то? Обопритесь пошибче. Я дюжая — выведу.

— Дома есть кто? — поинтересовалась Нюта.

— Да нет никого. Одна я, — вздохнула Виолетта Генриховна.

— Ну и ладно. Вперед! — скомандовала спасительница. — Как-нибудь доковыляем.

Так они, медленно переступая и обсуждая злободневные темы повышения цен на продукты и мизерной пенсии, добрались до дома. Нога у потерпевшей крушение болела и горела нестерпимым огнем вывиха. И Нюта старалась отвлечь свою нежданную попутчицу веселыми прибаутками, коих знала в огромном количестве еще со времен своей поварской деятельности. Доплелись до Нютиноного подъезда. Нюта, не слушая робких, интеллигентских возражений, типа «ой, как неудобно, я и так вам столько хлопот доставила», взволочла худенькую, но такую тяжелую костью, Виолетту на свой третий этаж. «До вашего подъезда еще дальше ползти», — промотивировала свое решение Нюта. Дома водрузила на старенький, продавленный диван, вызвала «скорую» и только потом, тяжело дыша, грузно опустилась на стул. Виолетта Генриховна, притихнув, как воробей во время грозы, уткнулась носом в плешивую горжетку и замерла под гнетом боли и вины.

«Скорая» приехала на удивление быстро. Запеленали ногу в лангету, вкололи болеутоляющее и заторопились на следующий вызов.

— Нюта, мне крайне неловко, но я вынуждена вас просить помочь мне до дома

добраться,— Виолетта Генриховна, не отрывая от горжетки глаз, пошевелилась на диване.

— Да куда вы пойдете, голубушка? Кто ж за вами уход-то делать будет? Ногу-то нельзя напрягать, и ходить вам пока нельзя. Так что — располагайтесь и не повторяйте все время, что вам неудобно. Неудобно пальцем консерву с сайрой открывать. А у нас — все удобно. Щас я вам бульончика сварю,— Нюта решительно закинула на диван здоровую Виолеттину ногу, подоткнула под спину плюшевую подушечку и укутала бережно пледом болящую. Виолетта Генриховна потеряла дар речи, глазами застекленела, и вдруг это стекло полилось неожиданным водопадом по сморщенным щечкам.

— Милая моя, да вы ж мой ангел-спаситель! А я уж не думала, что такие люди встречаются в наше-то непростое время. Но, право слово, неловко мне как-то.

Нюта поморщилась.

— Да че вы, в самом-то деле? Неужели мне бы так не помогли, случись со мной такая оказия? Придумали тоже — ангел. Этот ангел такого говнеца наложить может, что мама — не горюй. По делу, конечно. Но все равно. Нам крылья-то без надобности, мы и руками махать можем, если необходимость придет. А че ангел? Это он в раю — главный. А у нас-то, на земле, чего он решить-то может?

Под Нютино бормотание Виолетта Генриховна задремала. Так ей тепло стало и уютно, что даже боль в лодыжке казалось какой-то смутной, ненастоящей. Первый раз за много-много дней одиночество отступило. Даже порадовалась она немного, что с ногой такая история приключилась, потому что с замечательной женщиной познакомилась...

Время шло. Нога быстро заживала на куриных Нютиных бульонах. Сантехник Гоша по просьбе Нюты, сдобренный красивой фиолетовой денежкой, приволок из квартиры профессорши телевизор, потому что Нютин давно сгорел, а на новый так и не скопила. Гоша подключил антенну, настроил каналы и удалился, выразив надежду на дальнейшее сотрудничество.

Теперь вечерами они могли смотреть кино и новости. Раньше Нюта как-то привыкла обходиться без голубого экрана. Теперь ее было не оторвать от дивана после девяти, когда программа новостей заканчивалась и включали какой-нибудь российский сериал. Виолетта даже сердилась иногда.

— Нюта, да пойми ты. Никакое кино не заменит живого общения. Ну что там могу показывать такого, чего ты еще в этой жизни не видела? — горячилась Виолетта.

— Знаешь, Вита, я много чего в жизни видела. И смерть видала, и подлость видала, и чего тока я не видала. Вот мне и хочется посмотреть на жизнь без всей этой гадости. Может быть все красиво: белые занавески, красные шторы, диванчики с золотыми ножками. А люди-то! Ты посмотри, люди какие красивые! И все хорошие такие, аж плакать хочется,— Нюта собирала в горстку слезки, всхлипывала, нарочито громко вздыхала и переключала на канал «Культура». Любимый Виолеттин. Стойко минут пять слушала разговоры о литературе, споры какие-то ей непонятные, разглядывала причудливых мужиков с бородами и стальными перстнями на пальцах.

— Вита, а давай лучше Уильяма твоего почитай. Все ж интереснее, чем эта говорильня. Не могу уже слушать это, мозги в трубочку.

Безотказный и преданный денежкам любой цветовой гаммы сантехник Гоша, под неусыпным и бдительным оком Нюты, собрал в квартире Виолетты Генриховны несколько книжек, с сожалением поглядел на бронзовый подсвечник на старинном дубовом столе, и все литературное добро припер в Нютину квартиру. Больше всего Нюте понравилась «Ярмарка тщеславия».

— Не, ты глянь, че делается-то! Вот все напоказ у этих буржуев. Махонькая же

девчущечка-то, а характер — ого-го! Вот уважаю я таких. С наперсток сама, а жизни фору дать может,— искренне эмоционировала Нюта, вгоняя иголку в ночную сорочку Виолетты.— Ишь, не-е-е, нас, простых девок, так просто не вытравишь с этой самой ярмарки.

Виолетта Генриховна улыбалась. Хорошо ей было с Нютой. Надежно. И вся жизнь — по полочкам. Все ясно и понятно. Где хорошо, а где плохо. Нюта все знала...

Нога зажила. Пришло время сказать последнее слово и проститься. Обе неловко себя чувствовали, потому что, вроде, как и пора, а расставаться-то не хотелось. Привыкли рядышком. Да и выживать вместе легче. Обе переживали, мялись, но разговор о главном первой все-таки Нюта начала. С утра Виолетта Генриховна была сама не своя. Собирала кофточки, сорочки, платочки в кучу. Куча собралась не очень большая, но громоздкая. Нюта искоса поглядывала на сборы подруги, но молчала, что-то сосредоточенно обдумывая.

— Нют, ты мне сумку дашь какую-нибудь большую? Что-то вещей накопилось столько. Загостилась я у тебя,— неловко улыбаясь, Виолетта зашла на кухню, где Нюта яростно терзала венчиком яйца.

— Ты омет на ужин будешь? — словно не слыша подругу, спросила Нюта.

Виолетта Генриховна растерялась.

— Ну буду, конечно... Нют, ты меня слышишь, я про сумку спросила.

— Да дам я тебе сумку. Слышу я. Присядь-ка. Разговор есть.

Нюта вытерла руки о могучие бока, растрепавшиеся волосы заправила под ободок.

— Зачем тебе уходить? Нам жить вдвоем легче. Сама же понимаешь. И Маньке своей сможешь высылать в заграницы ихние. Твою квартиру сдадим. С пенсии закупать будем. Заживем, Витка! — весело закончила тираду Нюта и вопросительно посмотрела на профессоршу.

Виолетта Генриховна в порыве благодарности вскочила, заключила в объятия мощный торс Нюты, расцеловала ее в щеки, в лоб, потом опять в щеки и расплакалась, всхлипывая и промакивая кухонным полотенцем слезы.

— Нюта, я уж не знала, как предложить тебе такое решение. Как я к тебе привыкла! Милая ты моя! Конечно! Согласна я!

И жизнь потекла совсем в другом русле. Не сказать, что сказочная и безбедная. Но стабильная и надежная. И главное — неодинокая. Дочитали Теккеря. На последних страницах Нюта разревелась, совсем по-бабски, с привываниями и утробным хлюпаньем носом.

— Буржуи паршивые, заморили девку своей жизнью. И-и-и-и, а могла бы борщи варить мужу, или, как эта, ну как ее? Во! Как Бузова у нас в верхах крутиться. Деньги лопатой грести. Вот, че за жизнь? Че за жизнь?!

— Фи, Нюта, ну Бузова-то здесь причем?! У тебя плохой вкус. Учю тебя, учю, а все без толку.

Нюта громко сморкалась, вытирала слезы и демонстративно включала Дом-2. Виолетта Генриховна пошла спать. В такие минуты с Нютой спорить было бесполезно. Наутро мирились за овсянкой, запивали мир чаем и расходились по своим делам — Нюта в магазин, Виолетта убирать квартиру...

Так и жили, нисколько не сердясь и не переживая, что у каждой на все было свое мнение. Принимали это мнение, иногда со скрипом, но всегда с пониманием...

А однажды Виолетта упала. Вот стояла возле холодильника, горячилась по поводу предстоящей пенсионной реформы — и упала. Нюта вареники катала, слушала гневную Витину тираду и улыбалась тихонько. А им-то че переживать? Уж давно на пенсии. А молодежь сейчас нежная больно пошла. На них пахать да пахать. Только

захотела ответить и вдруг — глухой удар. Повернулась Нюта, а Вита на полу лежит и воздух ртом, как рыба без воды, хватает. Испугалась сильно. «Скорую» вызвала. Приволокла в зал подругу. На диван не смогла закинуть. Силы от испуга и горя кончились. Так на полу, положив безжизненную голову на колени и поглаживая седой шелковый венчик волос, дождалась врачей...

Два дня прошло. Нюта, было, попробовала в больнице остаться, подежурить. Но — отправили домой. Мол, идите, отдыхайте, ничем не поможете. Позвоним... Позвонили. Нюта рот в судороге стянула, ответить не смогла. А в голове мысль одна трепещется: — «Да как же это?! Как я теперь-то? Почему-у-у-у?!»

Маньке Виолеттиной позвонила.

— Ой, тетя Нюта, вы уж как-нибудь сами там. Ни цента сейчас нет свободного. Помогите, пожалуйста, не останусь в долгу, — со слезой в голосе протянула Маша.

— А если денег не хватит, и мать твою, как собаку безродную, в целлофане закопают? Не приедешь даже? — Нюта разозлилась. — Когда будешь-то у нас?

— Постараюсь на девять дней. Ну правда — не могу сейчас, — голос отдаленно побулькал что-то еще несколько секунд, а потом замолчал. Видимо, связь прервалась.

Нюта тяжело встала со стула, прошла в комнату. Гроб самый дешевый, обитый сиреневым плюшем. Вита лежала, укутанная таким же дешевеньким тюлем, в бежевом платочке под подбородок. Нюта присела рядом. Положила ладонь на сухонькие, связанные марлевой повязкой желтые ручки. «Спи, дорогая подруга. Спи спокойно. Провожу тебя, как надо. Ниче, ниче, справимся, выкрутимся»...

Манька не приехала. А в аккурат утром на девять дней пришел перевод на двести долларов. Нюта почему-то не удивилась. «Откупилась, засранка», — горько вздохнула и пошла на кухню стругать овощи для винегрета. Женщины с бывшей Витиной работы, с университета, позвонили вчера. Посокрушались, что не сразу узнали. Видимо, дочка из своих загранич сообщила запоздалую весть. Обещались зайти вечером, помянуть коллегу. Поэтому Нюта хотела расстаться с закусками, чтобы все было честь по чести, достойно. Весь день она хлопотала. Сбегала в банк, получила перевод, прикупила кое-что к столу, и, почти довольная, что все так удачно складывалось, вернулась домой. К пяти накрыла стол. В духовке поспевал пирог. Она повязала новую косынку, подаренную Виолеттой, которую почему-то до сих пор не надевала, непонятно на какой случай берегла. Ну теперь понятно, на какой. Она, глядя на свое отражение в голубом облаке косыночного шелка, нахмурилась. Предчувствовала, что ли? Тьфу ты, прости Господи, дура старая. Лезет же всякое непотребство в голову...

Ровно в пять раздался звонок в дверь. Нюта, волнуясь, пошла открывать. Никогда в ее квартире еще не было столько ученых людей. Она даже чувствовала некоторую растерянность. Как с ними разговаривать-то? Вита, понятно, своя была. И простая, и не простая одновременно. А эти? Кто ж их разберет-то. Нюта чуть помедлила, собираясь с духом, и повернула замок. На пороге стояли три старушки. Такие же обыкновенные и несложные в своей старости, как и сама Нюта. Печальные, изрытые морщинами личики выражали самую искреннюю скорбь. В руках одной из них болтались две поникшие гвоздички. Делегация чинно прошла в комнату и после приветствий расселась вокруг стола.

— Анна Сергеевна, мы тут собрали немного, профком выделил кое-что. Возьмите, пожалуйста! От всего сердца! Мы Виолетту Генриховну давно знаем... знали. Хорошим она была человеком, — с этими словами одна из дам, порывшись в старомодном ридикюле с золоченым замочком шишечками, достала конверт.

— Ой, ну что вы меня по имени-отчеству. Нюта я. Просто — Нюта. Спасибо вам, девочки, огромное. Дочка иеная сегодня перевод прислала. Я справлюсь. Неудобно даже как-то, — Нюта смутилась, зарделась, спрятала руки за спиной.

Вторая дама, очень серьезного вида, взяла конверт и подошла к хозяйке.

— Нюта! Берите деньги, и закроем эту щепетильную тему. Раз положено — значит, надо. Не уносить же нам их обратно.

— Тогда я оградочку поставлю потом. Ну и памятник надо посолидней. А то что? Стоит этот короб красный, деревянный. Краска-то, поди, слезет скоро,— оправилась от смущения Нюта и засуетилась.— Ну, давайте, девочки, двигайтесь ближе к столу!

Дамы с облегчением выдохнули и задвигали стульями. И радостно было Нюте, и гордостно, когда слушала она негромкие и сердечные речи о своей Вите. Что помнят ее люди, что не только в Нютину жизнь она свет принесла. А то, что одна осталась под старость лет, так это судьба-злодейка...

Проводив гостей, которые буквально растаяли под теплом ее гостеприимства, Нюта быстро убрала посуду, раскидала в холодильник по полкам оставшуюся закуску и присела на диванчик. Включила торшер, разлившийся теплым оранжевым светом по темноте комнаты, накинула на ноги плед, нацепила очки и открыла книгу на заложенной вязальной спицей странице.

«Глава LXIV. Неприкаянная глава. Мы вынуждены опустить часть биографии миссис Ребекки Кроули, проявив всю деликатность и такт, каких требует от нас общество — высоконравственное общество, которое, возможно, ничего не имеет против порока, но не терпит, чтобы **пророк** называли его настоящим именем,— прочитала Нюта вслух, отложила книгу, принесла из кухни портрет Виты, окантованный черной ленточкой, снова поерзала на диване, укутываясь, и громко, с выражением, продолжила: — На Ярмарке Тщеславия мы много чего делаем и знаем такого, о чем никогда не говорим...»